

Александр Де Персе

*Графиня Поневова
История продолжается*

Аскольд Де Герсо

**Графиня поневоле.
История продолжается**

«Издательские решения»

Де Герсо А.

Графиня поневоле. История продолжается / А. Де Герсо —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501313-2

Продолжение истории графини Апраксиной, урождённой Лизаветы Бахметьевой. Казалось бы, жизнь вошла в привычную колею и ничего не сможет нарушить семейную идиллию. Но судьба всегда распоряжается по-своему, расставляя фигурки на шахматном столе, и только ей одной известно, что скрывается за ширмой времени...

ISBN 978-5-00-501313-2

© Де Герсо А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Графиня поневоле. История продолжается

Аскольд Де Герсо

© Аскольд Де Герсо, 2019

ISBN 978-5-0050-1313-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Известие о нахождении любимого братишки в неволе на чужбине, сказать, что потрясло Лизавету, счётом ничего не сказать. Саму же весть доставил человек, случайным образом оказавшийся на том же корабле, но не имеющим отношения ни к самому кораблю, ни к экипажу. Доставил же известие в расчёте на хорошие деньги, что вручат ему за сообщение, как ему и было обещано. Мало того, неизвестно, когда вернётся любимый супруг из сибирской ссылки, кроме последнего письма, полученного уже около двух месяцев назад, где он писал о досрочном прекращении ссылки, более ничего не было.

Тут ещё одна напасть: родной братик в плену. Что произошло, в чём заключалась их вина – никто ничего определённого не мог сказать. Человек, доставивший весть также не был посвящён в детали произошедшего. Будь даже посвящён, едва ли можно у него расспросить потому, как получив деньги, он тут же отбыл восвояси.

Или, что тоже вполне вероятно, не желал говорить. Возможно, будь он лицом дипломатическим или из близких кругов дворцового окружения, давно бы были втянуты определённые структуры, вплоть до министра иностранных дел и сделано всё возможное, чтобы насколько возможно, скорее освободить. В данном контексте, приходилось уповать на Божью милость и собственные силы.

Батенька её, Вахруша Бахметьев, после многочисленных неприятностей, связанных как с собственным торговым делом, так и случившимся пожаром, нанёсшим немалый урон его делу, да ещё добавить арест и ссылку зятя – графа Александра Апраксина и пленение сына, сильно сдал и частенько стал жаловаться на сердце.

В живой природе тоже можно наблюдать подобное явление, когда крепкие дубы, которыми, казалось бы, не страшны никакие морозы или сушь, вдруг в один сезон начинают чахнуть без каких-либо видимых причин, в то время, как другие деревья свободно переносят эти природные аномалии. С чем это связано, никто не разберёт, важно, что факт присутствует и его уж никак не отбросишь или обойдёшь вниманием.

И выходит, весь этот клубок распутывать Лизавете, у которой самой двое ребятишек, да немалое хозяйство. И едва ли она знала бы, что делать и как поступить, если не помощь Вареньки, но в ещё большей степени Ефремушки. Последний вообще справлялся со многими делами, улаживая вопросы с кредиторами, с акциями и, как само собой разумеющееся, с прислугой. Он же выезжал в имения, разрешая конфликты, обговаривая сроки доставки нового урожая. Мал золотник, да дорог, как говорится.

Как же была благодарна Лизавета им обоим за ту помощь и поддержку, что они оказывали не столько по долгу службы, сколько по доброте душевной. Немногие из высокородных семей осмеливались поддерживать отношения с Лизаветой, но и они предпочитали держать некоторую дистанцию, даже будучи стопроцентно уверенными в невинности Александра Апраксина. Так уж у нас заведено, обжёгшись на молоке, потом долгое время ещё продолжаем дуть на воду.

Лизавета никак не могла решиться, как поступить вернее: дожидаться Александра и вместе решить, как будет лучше или, не дожидаясь отправиться в дорогу. Хотя само слово дорога

её пугало своей неизвестностью, да и к тому же местами периодически вспыхивали сражения между крестьянами и отставшими французскими солдатами Наполеоновской армии, не так давно, потеряв сотни тысяч солдат, отступавшими на запад.

Да и просто достаточно было произнести одно слово на французском, чтобы оказаться быть закопанным заживо или заколотым вилами, настолько была сильна ненависть к врагу, посягнувшему на Российскую империю. Но при всём при этом, в Санкт-Петербурге аристократия продолжала жить своей отрешённой жизнью, устраивая балы, светские приёмы, как если бы их это вовсе не касалось.

Обсуждались новые тенденции в моде, выходы в свет тех или иных дочерей графов и князей. В моде стала преобладать неестественная бледность у юных барышень и здоровый румянец у дам постарше, что тратили немалые деньги, опустошая кошельки супругов, на всевозможные притирания и настойки. В наряды иной раз уходило до сорока метров шёлка или кисеи, батиста или газа.

Лизавета, помывкавшись, и, рассудив по-своему, решила съездить до родителей и уже после этого, посоветовавшись со старшими, выйти в дорогу. Дольше откладывать не имело смысла, на улице день ото дня становилось теплее и февральское солнце, пусть и не шибко греет, но снег заметно почернел. А там глядишь и таять начнёт, что однозначно подразумевает, что дороги развезёт и выехать куда-либо без опасения застрять, станет просто опасно. Да, приятного мало.

Вечером третьего числа Лизавета вызвала Ефремушку к себе. Последний, словно только этого и ждал, не замедлил явиться в своём тулупе, да в волчьей шапке, с которыми, казалось, и во сне не расставался. Постучавшись привычно, и, дождавшись ответа барыни, он вошёл и встал у порога, для приличия снял головной убор:

– Госпожа Лизавета, вызывали? – но сколько бы он ни старался выглядеть серьёзным, искры лукавства выдавали его с головой. Вот и сейчас на уголках губ теплилась хитрая улыбка.

– Да, Ефремушка, вызывала. Дело вот какое: к родным тятеньке с маменькой надо съездить. Дорогу-то, поди, не забыл? – о том, как Ефремушка с Петрушей гостили у родителей, ей поведал батенька, но сейчас Лизавета не стала раскрывать эту историю. Лишь полунамёком дала знать.

– Да нет, не забыл, – и ни тени смущения или виноватости. Как бы ты ни силился угадать по его глазам, что у него на уме, ни в жисть не угадаешь: то ли доброе помышляет, то ли хитрость какую затеял. Злого за ним во дворце не замечали, на те же подковырки и поддевки всегда находил, что-нибудь да вернуть, да при этом такого, что поддевщик сам едва не становился объектом насмешек. А Ефремушке что? Он, как ни в чём не бывало, продолжает заниматься своим делом: мастерит чего или так, в карты перекидывается. Хоть и возмужал, в уголках глаз появилась сеточка морщин, но характером оставался всё тем же Ефремушкой.

Время, наш судья, властное над всеми: живыми и неживыми, никого не щадит. Лизавета Апраксина тоже ведь уже не та девушка, что выкрал её зимним вечером и сделал её своей супругой – графиней Апраксиной. Многое поменялось в её мировоззрении, кроме непреложных библейских заповедей и нравственных устоев. Ей, как и в девичестве, нравились тихие

уютные домашние вечера, любила послушать пение дворовых девок во время вязания или прядения потому, как живо напоминало ушедшие годы.

– В таком случае, завтра с утра пораньше выедем. Сам видишь, снег чернеет, не ровен час начнётся таяние и уже тогда, до самой Троицы никуда не сдвинешься. Да и мне ли тебе говорить, ты здесь родился и вырос...

– Что правда, то правда, госпожа Лизавета. Болота, реки тут чуть ли не на каждом шагу, только в морозную погоду и ездить или уж, когда земля подсохнет. Так то, долгая история, – согласился с доводами госпожи Ефремушка.

– Петрушу или кого предупреди, возницей ехать. Сам, поди, никогда вожжей в руках не держал? – подтрунила всё-таки Лизавета, не сдержавшись.

– Чего не держал, того не держал, попусту врать не стану, и после добавил: – я могу идти, госпожа?

– Разумеется, Ефремушка. Только не забудь предупредить возницу, – и сделав небольшую паузу, добавила: – иначе сам на козлах поедешь...

Входившая в эту минуту Варенька, при этих словах не смогла удержать невольно вырвавшийся смех. Да и виданое ли дело, чтобы Ефремушка собственной персоной на козлах сидел. Перестав смеяться, она тоже вставила от себя словцо: – Лошади не потянут, сам в оглобли впряжешься...

Тут уже и Лизавета рассмеялась, до этого как-то сдерживавшая смех, готовый вырваться наружу. Где-нибудь в салоне это, может статься, и выглядело не совсем прилично, где господа и дамы с самым чопорным видом старались не выдавать своих эмоций, но у себя-то, в светелке Лизавета могла позволить себе быть естественной.

Незадолго до того, как закончить день, Лизавета затвердила Вареньке свои наставления по уходу за детьми, чтобы уроков не избегали без особой на то надобности, да и прислуга свои обязанности справляла должным образом. Варенька внимала каждому слову барыни, порою переспрашивала не до конца понятное и, лишь в конце она, словно не совсем уверенная, осмелилась задать свой вопрос:

– Госпожа Лизавета, а коли вздумают ослушаться?

– Так то, Варенька, не твоя забота. Пусть об этом их учителя позаботятся...

– Так я не про детишек, госпожа Лизавета, о прислуге я...

– О том я предупрежу всех, Варенька. Никто не посмеет ослушаться, – успокоила Вареньку Лизавета.

Отходя ко сну, Лизавета попросила Вареньку разбудить, как можно пораньше.

– Охотно, госпожа Лизвета, – ответила Варенька, задувая свечи на канделябрах. Комната погрузилась в непроглядную тьму, покуда глаза не привыкли различать отдельные предметы.

– Доброй ночи, госпожа, – открыв дверь, Варенька покинула опочивальню. Уже сквозь сон, Лизвета ответно пожелала доброй ночи Варе.

Глава 2

На восточной стороне небосвода ещё только заалела заря, предвещая ясную погоду, как Ефремушка уже подготавливал карету для дальней дороги. Дабы скорее управиться, ему помогала Меланья, подавая дорожные принадлежности. Зимняя поездка своего особого подхода требует, знай, летом – сел в карету, приказал кучеру и поехал. Зимой же надо и тёплые вещи, и съестные припасы, хотя и планировалось останавливаться на ночь в постоянных дворах.

После инцидента, произошедшего тем далёким зимним вечером в одном из постоянных дворов, Лизавета несколько не опасалась лихих людей. С таким защитником, как Ефремушка никакие разбойные люди не страшны. Пусть они опасаются, оказаться на его пути и даже намёком задеть госпожу.

Лизавета, вырвавшаяся из объятий сна, сладко нежилась в постели, не желая покидать тёплую постель. И как-то спонтанно ей вспомнилось, как в детстве она боялась петухов и гусей. Петухи то ладно – поквохчут, потопчутся на месте, словно соизмеряя силы, а вот гуси, те ни на что не смотрят, шеи вытянут, крылья расправят и бегут с шипением, что змеи. Как-то маменька отправила её трёхлетнюю к соседям, а возможно, что сама отправилась, разве сейчас в подробностях вспомнишь.

А на улице к ней привязалась гусыня с гусятами. Лизавета и шла-то в отдалении, зная их повадки, но не тут-то было. Едва завидев Лизавету, гусыня, забыв о птенцах, громко гогоча направилась в её сторону. Откуда только силы нашлись убежать. Гусыня же, высоко задрав голову, важно вернулась к гусятам. После этой истории, Лизавета за версту обходила этих бестолковых птиц. Какая же она пугливая была в детстве, сейчас сама себе удивлялась.

Да и становясь старше, она боялась многих явлений, недоступных понимания нашим сознанием, но вот в тот вечер, страха отчего-то не было. Шок от неожиданности присутствовал, но не страх. И в эту минуту, когда Лизавета предавалась воспоминаниям о счастливых и не очень воспоминаниях детства, в комнату, предварительно постучавшись вошла Варенька. Вид бодрствующей Лизаветы не сказать, чтобы удивил её, но немного да расстроил. Она-то шла уверенная, что госпожа продолжает пребывать во сне. Тем не менее, увидев Лизавету, она поприветствовала:

– Доброе утро, госпожа Лизавета. Как вам спалось?

– Ой, Варенька, какой чудный сон снился, – подалась вперёд Лизавета, торопясь поделиться с девушкой, и начала раскрывать свой сон. Завершив рассказ свой, она не замедлила вставить: – и приснится же такое... – то ли удивляясь, то ли в растерянности.

– Так то, госпожа Лизавета всего лишь сон. Не берите в голову...

– Варенька, а как там Ефремушка? Уже готово всё к поездке?

– Ефремушка, почитай, с рассветом уже начал подготовку. А вот, готово ль иль нет, не ведаю. Про то спросить у него надобно, но я думаю, что готово. Неужто, за такое время не управиться? – успокоила госпожу Варенька. Лизавета тем временем покинула постель

и предоставила себя умелым и спорым ручкам Вареньки. Заплести косы или расплести для неё сиюминутное занятие, с той же шнуровкой корсета справляется, глазом моргнуть не успеешь.

– Вы уж, госпожа Лизавета, не позволяйте Ефремушке подолгу вас держать в холоде. Пушай, почаще делает остановки, чай, не лето на дворе. Как я за вас переживаю, госпожа, – тяжело вздохнув, произнесла Варенька.

– Дни то, тёплые, солнышко, – в ответ произнесла Лизавета.

– Тёплые, оно, конечно, так, то обманчивое тепло. Оглянуться не успеешь, как прихватит, а хворать, сами знаете, хорошего мало, – всё же не согласилась с госпожой Варенька.

И пока Варенька занималась туалетом Лизаветы, в дверь постучали.

– Да, входите, – отозвалась Лизавета.

– Доброе утро. Госпожа Лизавета, карета подана, – произнёс Ефремушка, едва появившись в дверях.

– Ефремушка, вначале интересуются, как госпоже спалось. Всему то тебя учить надо, – поддела легонько Варенька в шутку. Ей непременно нужно было задеть его, дабы после наблюдать, как он станет выкручиваться. И ведь, никогда не растеряется и не обидится, всегда так или иначе отбреет пожелавшего подшутить над ним.

– Прошу прощения, госпожа Лизавета, – всерьёз воспринял её слова Ефремушка.

– Да полноте вам, – успокоила обоих Лизавета, и уже обращаясь к Ефремушке: – сейчас позавтракаем и выедем.

– Добро, госпожа Лизавета, – Ефремушка поклонился барышне и покинул комнату, прикрыв дверь, и, оставляя Лизавету с Варенькой.

Выехали же они, когда солнечный диск заметно оторвался от горизонта, но пробивающиеся сквозь туман лучи нисколько не дарили тепла.

– Ты уж, Ефремушка, присмотри за барышней, – напоследок напутствовала Варенька, прежде чем Петруша, понукая лошадей, тронул с места карету на санях. Андрей и Сильвестр остались ещё в своих кроватях, да и Лизавета не пожелала, чтобы дети, расставаясь, плакали. «Достаточно и того, что немало слёз я сама пролила за эти годы», – решила она про себя.

В карете, обложенной тёплыми вещами холод поначалу как-то не чувствовался, и Лизавета огорчилась даже, что не выехали немного да пораньше, упустили время. Но, пока снег был мёрзлый, они немалое расстояние покрыли, около десятка деревень промелькнуло за окошком. Призывно из труб низеньких избушек шёл дым, клубясь поднимался ввысь и там в синеве терялся.

Лизавета, устав от молчания, решила завести разговор с Ефремушкой, что, уткнувшись в воротник, то ли дремал, то ли просто сидел и о чём-то думал. Но, она-то знала, как бывает обманчиво поведение Ефремушки, за столько лет жизни во дворце, она немного да поняла

его характер, не в полной мере, конечно, но достаточно, чтобы определить его дальнейшие поступки. Вот и сейчас, она безо всяких предисловий обратилась к нему:

– Ну вот, Ефремушка, когда-то без моей воли, насильно умыкнул меня из родительского гнезда, а нынче сам везёшь обратно, – поддразнила Лизавета, которой надоело ехать в полной тишине, которую нарушал только скрип полозьев по снегу.

– Так, госпожа Лизавета, не по своей же воле, а барина, – начал оправдываться Ефремушка, не зная к чему клонит Лизавета.

– Своя-то голова на что? – не унималась Лизавета, войдя во вкус.

– Своя, говорите, госпожа? Своя голова дана для того, чтобы в нужную минуту не оплошать и действовать сообразно ситуации, – витиевато ответил на этот выпад Ефремушка, – головушка-то, она одна, её беречь надобно.

– И всегда-то у тебя подготовлен ответ, – улыбнулась Лизавета его витиеватости, – поди, посреди ночи разбуди и задай какой вопрос, тоже, небось, ответишь тут же?

– Госпожа Лизавета, вы так скажете... Ночью, чай, люди спят?

– Однозначно, спят, – вынуждена была согласиться Лизавета, но опыт светских бесед, в которых упражняться ей недосуг было в Петербурге, требовал выхода:

– Но и всё же, мил человек. Вы так и не удосужились представить полновесный ответ, подтверждающий или отрицающий мою правоту...

– Госпожа Лизавета, по правде, если посреди ночи разбудить меня, что по работе, на любой, поди, вопрос ответ представлю, ну, а насчёт других, как-то не задумывался...

Ефремушка, пусть и не посещал светские салоны господ, но разговор практичный всегда готов был поддержать, где надо умело подтвердить, где словечко умное вставить. А где и вообще, лучше промолчать, дабы беседа не оставила у собеседника неприятный осадок от общения. «За столько лет жизни во дворце кой-чему да научился,» – отговаривался он при случае.

Во всём этом была заслуга графа Апраксина, не пожалевшего своего времени, чтобы в итоге из уличного бродяжки сделать светского человека. Что до положения в обществе, Ефремушку вполне устраивало, как есть и он ни за какие коврижки не поменял бы его на что-то иное. Да и сейчас, едет он словно господин в карете, чем плохо? Никто его не загружает сверх меры. И в отличие от остальной прислуги обитает он не в людской, а в собственной каморке: хочу лежу, хочу сижу, никто не указ.

В другой раз Лизавета попросила Ефремушку поведать какую-нибудь, да историю.

– Госпожа Лизавета, так ведь до всяких историй я не особо мастак, по этой части у нас Варенька умелица-мастерица. Я больше по хозяйственной части умелец...

– Так, Ефремушка, Варенька в Петербурге осталась...

– Что ж, так и быть по сему. Расскажу я одну историю, только, чур, не бояться, – то ли всерьёз, то ли в шутку сказал он, но Лизавету заинтриговал, вызвав интерес. – Произошла та история в давние времена, поди царей-то ещё не было...

– Ну, уж скажешь тоже, царей не было...

– Госпожа Лизавета, прошу великодушно простить, запямятовал. Был царь, был, Горохом звали. Вот, значит, в такие древние времена происходила история..., – Ефремушка остановился в задумчивости: как бы дальше-то продолжить? Ну, не дал Бог таланту сказителя, хоть ты лопни...

– Ладушки, пусть Горох будет, всё одно хоть какое-то имечко есть у царя, – улыбнулась Лизавета находчивости Ефремушки, – ну, а дальше-то что?

– Так, госпожа я вспомнить пытаюсь и на самом интересном месте вы меня сбили с мысли, – отвертелся и на сей раз он.

Да и не столько история интересовала Лизавету, сколько в сокращении времени в пути. За разговором дорога заметно сокращается. Солнышко, перешагнувшее полдень, ослабило силу лучей, да и заметно стало, что ветер поднимается, местами были заметны свежие наносы снега. Ещё немного и обагрится закат, подморозит.

– Ефремушка, ладно с историей, по дороге есть какой постоянный двор? Чаю ил кофею бы горячего испить, согреться...

– Чего госпожа Лизавета не ведаю, того не знаю. Петруша знаток в этих делах. Но, думается должен быть, ямские же не станут мёрзнуть в пути в зимнюю пору. Обязательно должен быть... А Варенька, вас предупреждала, госпожа Лизавета...

– Так она Ефремушка, не только меня, но и тебя прежде всего предупреждала...

– О том я помню...

– Так я тоже не забыла и что за невоспитанность перечить госпоже? – придала своему лицу Лизавета сердитый надменный вид, что скорее вызывал улыбку, нежели трепет перед господами. Не умела она сердиться взаправду, не получалось как-то. Да и не до того сейчас, Лизавета, после упоминания о горячем чае, внезапно ощутила, как она замёрзла. Но тут же оба услышали, как возница постучал по передней стенке кареты.

– Чегой там, Петруша? – громко, чтобы тот услышал, отозвался на стук Ефремушка.

– Так, это... постоянный двор... Будем останавливаться? – поинтересовался возница мнением пассажиров. Ему-то, что, он почувствует, как морозец начинает пробираться внутрь, слезет с облучка и немного пробежится рядом с санями. Глядишь, немного, да согрелся.

– Знамо дело, будем, – перейдя на крестьянский говор, ответил Ефремушка, – заворачивай.

У Лизаветы тут же отлегло от сердца, иначе, через минут десять-пятнадцать она уже готова была стучать зубами от холода. Стенки кареты хоть и обиты войлоком, да только нет-нет да, откуда-то задувает ветер. Вот уже слышно, как Петруша покрикивает на лошадей, да и в окошко сбоку видно, в доме свет горит.

– Приехали покамест, – приоткрыл Петруша дверь, и следом вышел Ефремушка, чтобы подать руку госпоже.

– Прошу, госпожа Лизавета, – он аккуратно принял её, поставил на ноги. Ладно хоть валенки надела, а то, что бы было с ногами? Да и так, Лизавета с трудом стояла на ногах.

Глава 3

Тяжело ступая, в расстёгнутом тулупе Ефремушка зашагал вперёд, пока Петруша задавал корма лошадям, укрывал попоной. Едва открыл дверь в комнату, навстречу вырвался запах отменного борща с мясом, хлеба духмяного и клубы пара.

– Встречайте гостей, господа, – поприветствовал он хозяев и пропустил вперёд Лизавету.

– Благодарю.

В горнице значительное место занимала русская печь, облицованная изразцами, от которой исходило приятное тепло. Возле неё, у небольшого стола, возилась хозяйка – женщина средних лет и не хрупкой комплекции. Её миловидное круглое лицо, – на котором в глаза тут же бросались большие миндалевидные глаза с поволокой, – выражало искреннее радушие при виде гостей. Тем паче, что в последнее время постояльцев было немного, а вошедшие же одеты богато, в плане прихода не обделят. Увидев гостей, она засияла вся:

– Доброго вечера вам, господа и дамы. Как хорошо, что вы завернули к нам, на улице то, вон как, подморозило. Конец февраля на дворе, а мороз ничуть не желает отпускать, держит в своих тяжёлых рукавицах, – видно, заскучала по постояльцам и вот спешила, наконец, выговориться.

– Что правда, то правда. Валенки, и те не спасают от мороза, – согласилась с её доводами Лизавета. – Хозяюшка, можно чаю покрепче и погорячее...

– Конечно же можно, и не только горячий, и крепкий, а с молоком и мёдом. В такой холод и простыть не долго. Далеко ли собрались-то?

– С самого Санкт-Петербурга едем до родителей...

– Вот не побоялись вы выйти в дорогу, да столь дальнюю. Тут до ярмарки ехать в соседний город и то боязно, смелая вы дама...

– Дело не в смелости, надобность вынуждает...

Разговаривая с Лизаветой, хозяйка тем временем не простаивала, а наливала чай из пузатого, до блеска начищенного медного самовара, вытащила мёда в розетке: липовый, – подчеркнула, и, обращаясь к Ефремушке с Петрушей: а господа чего желают?

– Господа желают утолить голод и обогреться, – расплылся в улыбке, от обращения хозяйки двора к нему, как к господину. – Чай, сами, знаете, какой на улице собачий холод.

– Ничего, русские мужики и не такие морозы выдерживали... А, крепкого никто не желает? Медовуха есть знатная... – хитро подмигнула Петруше, определив опытным взглядом возницу.

– Медовухи можно попробовать, – от глаз Ефремушки не ускользнул недовольный взгляд Лизаветы, на что он ответил: – госпожа Лизавета, не поверите, до мозга костей пробрал

холод... – и настолько с серьёзным видом он произнёс свои слова, что Лизавета не знала, как их воспринимать. Слугам слабинку продемонстрируешь, они ведь и обнаглеть могут, запретишь – они всё одно пропустят и не одну. После минутного раздумья она согласилась:

– По чарке и только, – сказала она.

И пока они ужинали, в горницу с улицы зашёл хозяин двора.

– Приятного аппетита, гости, – пожелав им, он отряхнул шапку меховую, стряхнул снег с овчинного тулупа и самокатных валенок и продолжил: – теперича у нас дня два будете пережидать непогоду. Не иначе, с утра завьюжит, ни зги не будет видно.

– Авось, пронесёт, – поинтересовался Ефремушка.

– Да, едва ли... В этом месяце, коль уж завьюжит, то надолго. Далеко ли путь-то держите?

Лизавета назвала родной городок.

– Не шибко дальний путь, ещё пару дней и будете на месте при доброй погоде... – подчеркнул мужчина, знающий наперечёт города, расположенные в округе вёрст на сто-двести. Да и как не знать, коль почтовые ямщики и те не минуют его хлебосольного двора, а про путешественников и говорить нечего, они непременно здесь останавливаются.

– Мы сами так и рассчитывали добраться, да вот морозец и выюга. Нехотя, а пришлось вот заехать к вам, – объяснил Ефремушка.

– Добро же, – заулыбался довольный хозяин двора, – постояльцев в зимнюю пору не шибко много бывает, больше почтовые ямщики. Гостям мы всегда рады: хлеб да соль, как говорится. Издалека, хоть, едете?

– Из самой столицы, то бишь Санкт-Петербурга.

– Ну вот, я ж говорю, добро. Столичные новости вызнаем. Сидим в провинции, ни про что не ведаем. Правда, не столь давно, был у нас один постоялец, знатно рассказывал о боях с Наполеоновской армией, – по словоохотливости хозяина видно было, что скучать им здесь не приходится. – А что, и вправду Наполеона попёрли назад?

– Истинная правда, вот крест честной и православный, – Ефремушка перекрестился на красный угол, подтверждая правоту слов. Размашисто перекрестился, как это делают крестьяне.

– Дак я и без креста поверил бы, будь иначе, разве было здесь тихо?

Немного посидев в разговорах, Лизавета почувствовала, что её клонит в сон, на что обратила своё внимание хозяйка и, поднявшись со своего места:

– Милая госпожа, позвольте я провожу вас в комнату. Видимо в дороге умаялись, да и после холода в тепле разморило вас. Вы не против? – она повернулась к Ефремушке.

– Увольте, – только и произнёс Ефремушка, до сих пор не раскрывший, что он всего лишь сопровождает барышню:

– Доброй ночи, госпожа Лизавета.

Но сонное состояние, завладевшее Лизаветой, не позволило ей ответить. Она встала и направилась за хозяйкой дома следом.

– А вы разве не желаете спать? – спросил хозяин двора, когда супруга ушла с Лизаветой.

– Если это вас не тревожит, посидел бы чуток...

– Я, это к чему, – повернулся к нему хозяин с заговорщическим видом, – куда моей нет, может быть по кружечке?

– Нет, не по моей части, – отказался от заманчивого предложения Ефремушка, одновременно указывая на Петрушу. Тот, словно только и ждал предложения, подсел поближе.

Хозяин наполнил кружечку и пододвинул к Петруше:

– Ну, как, будем?

– Будем, – довольный, ответил Петруша.

Они ещё где-то с час посидели в зале и после распрощавшись, разошлись. Будь погода хорошая, Ефремушка не стал бы позволять Петруше пить, а так, что ещё остаётся. Хозяйка им отвела комнату.

Придя в комнату, они разглядели аккуратно заправленные кровати и распределили между собой, кому где спать. Возница, дольше пробывший на открытом воздухе, а значит на холоде, занял кровать поближе к печи. Но, захмелевший, как прилёг, тут же и захрапел. Ефремушка пару раз крикнул ему: не храпи, но так и не дождался ответа, а после и сам погрузился в благодный сон. В окно заглядывала полная луна, выплывшая из-за туч, низко нависших над землёй. Ветер несколько ослабил свой напор, но однозначно, что перемены погоды в ближайшие дни ожидать нет смысла. Да и куда спешить, чай, не на холоде пережидают.

Лизавета, которую хозяйка устроила в комнате с небольших размеров печкой, в одиночестве долго не смыкала глаз. Мысли не отпускали от себя. «Как там Александр? Братишка?» – мысли одна за другой лезли в голову, лишая сна. Лишь под утро она на некоторое время погрузилась в сон, да и то проснулась от завываний ветра на улице. По звукам, что доносились, представлялось, что на улице началось светопреставление, какие только звуки не издавал ветер, разбушевавшаяся стихия, казалось никогда не утихомирится.

Утром она встала с постели, нисколько не отдохнувшая. И замечательно было, что испортившаяся не ко времени погода не спешила налаживаться. Иначе как можно трогаться в путь в таком состоянии. По её просьбе, да и сама, заметив неладное, хозяйка заварила особый травяной чай, после которого Лизавета почувствовала некоторое облегчение.

В течение дня Лизавета всего несколько раз выходила из комнаты. Скуку развеивала не большая книжица, взятая ею на дорогу. Устав от чтения, ложилась подремать. Но и в таком случае день казался бесконечным. Ветер то спадал, то вновь набирал силу и тогда в трубе печи слышалось тихое гудение, как если бы шмель, оказавшийся в плену, стремился выбраться на волю.

Но как бы ни длился день бесконечно долго, что особенно утомительно при ожидании, всё же наступил вечер. Хозяйка, поднявшись к ней, пригласила к ужину:

– Госпожа, пройдем потрапезничать. Негоже в сон на голодный живот погружаться...

– Благодарю вас премного. Я скоро...

Уже на следующее утро погода переменилась, как они и ожидали. Солнце, едва появившись из-за горизонта стало пригревать. Лизавета с попутчиками сердечно поблагодарила хозяев за оказанный приём, поспешили попрощаться.

– Удачной дороги Вам, мои хорошие... – Хозяйка двора согласна была бы и ещё задержать их немного, но Лизавета ни в какую не соглашалась, зная, что до родительского дома рукой подать, да и изрядно успела соскучиться по ним.

Прошка с заспанными глазами вышел готовить упряжь к дороге. Ефремушка-то предупредил, что более нигде останавливаться не будем. «Ну, это, как дорога сложится», – сам про себя подумал Прошка, не любивший заранее загадывать, но издавна принявший, как непрелюдную истину, выражение: слово – серебро, молчание – золото, простодушно промолчал.

Через полчаса всё было готово для продолжения путешествия. И хоть иные путешественники европейских держав описывают зимние поездки, как чуть ли не увеселительное приключение, Лизавета на себе испытала, что радости в этом мало. Если б не срочная надобность в поездке, она едва ли стала бы вырываться из Петербурга.

Глянув на Ефремушку, заскучавшего на своём месте, Лизавета обратилась к нему:

– Ефремушка, помнишь, начал сказывать сказку, да так и не поведал. Может статья, сейчас расскажешь? Дорога дальняя...

– Вы про мужичка-то сказку, говорите, госпожа Лизавета?

– А ты разве какую-другую предлагал?

– Да других я, госпожа Лизавета, почитай, и не знаю...

Глава 4

– Ну, так вот. Расскажи ту, что знаешь, – не отставала от него Лизавета. Со слов Вареньки-то, она знала, что он мастер говорить. Как ей поведала Варенька: говорит хорошо, а поговорки и пословицы из него сыплются, как из рога изобилия. Но прелесть его рассказов заключалась в том, что самые простенькие истории приобретали в его устах благообразность и заставляли слушателя проникнуться всем существом, дабы не упустить что-то ненароком.

– Тогда слушайте, госпожа Лизавета. Значит, то действие происходило ещё при самом царе Горохе и ежели даже что придумаю от себя. Не принимайте близко к сердцу...

– Ой, Ефремушка, у меня уже в сердце закололо, – притворно откинулась на спинку сиденья Лизавета.

– Госпожа, коль вы так будете воспринимать, сказывать не стану, – поддержал шутку Ефремушка. – Жил, стало быть мужик в одном селе ли али хуторе, про то не ведаю, а предания не оставили никаких намёков относительно сего, жил да не тужил. А ленивый был мужик, не приведи Господи...

– Ну как наш Ефремушка, – поддразнила Лизавета рассказчика.

– Да не-е, ещё ленивее. С печи слезать, и то было лень ему, так и лежал день-деньской на печи. Маменька пока живая была, печь-то топила, а как её не стало, холод стал донимать. Но и то сказать, дело к весне, авось, да переживу, решил про себя мужичок. На улице и трава в рост пошла, слез мужичок с печки, да лёг на скамью у окна. В окно слышно, как листья шумят, птицы щебечут...

– Так, то сказка али притча? – привычная с детских лет к иному складу сказок, – поинтересовалась Лизавета. Бабушка ей в детстве тоже на ночь любила рассказывать сказки, коих знала великое множество, но она как-то иначе рассказывала.

– Как есть сказка. Оно ведь как? Не скоро сказка сказывается и не скоро дело делается.

– А не спутал ли где-то, Ефремушка? Сказка всегда скоро сказывается.

– Всё может быть, госпожа Лизавета. Ну вот, стало быть лежит он на скамейке, на голых досках и послышалось ему: слышь куманёк, в лесу, где длинный лог, в давние времена некие лихие люди клад зарыли, прежде чем их всех словили и смерти лютой предали. Возьми куманёк, лопату, да ночью сходи.

Но лень ему с места-то двигаться, он-то и по девкам и то не шастает, а тут лопату возьми да в лес пойди ночью. Он же с ума-то совсем не выжил. Но час ли, два ли прошло, опять тот же голос достаёт его: слышь-ко, кум, в длинном логу, где в давние-то времена, лихие люди клад зарыли. Возьми лопату и сходи ночью.

И так его достал голос своим кладом, что он возьми и ляпни: Бог даст и в окно подаст. Голос на время исчез, ну мужичонка и думает себе: наконец-то успокоился. Житья от тебя никакого. Да только к вечеру похолодало, прохладно на скамейке-то лежать. С утра картошку

сварил, печь-то, поди, ещё тёплая должна быть. Делать нечего, мужичонка переместился снова на печку, а голос словно только этого и дожидался, тут, как тут: слышь-ко, куманёк, в лесу в длинном логу, где в давние времена некие лихие люди клад зарыли, прежде чем их всех словили и лютой смерти предали. Возьми куманёк лопату и сходи ночью, куманёк, и так правдиво и соблазнительно говорит, поди, другой давно бы сходил. Есть клад какой или нет, проверил.

Но только не на того напал голос-то. Стойкий оказался на всякого рода соблазны, не шевельнулся даже, только и подумал сквозь полудрёму: ещё раз скажет, так тому и быть, схожу. Проведаю. Едва успел глаза сомкнуть и предаться в сладкие лапы Морфея, голос и появился.

«Что ж, не даст ведь спать, как пить дать, не даст. Пойду, схожу», – слез он с печи нехотя и во дворе, в каком-то закутку отыскал лопату. Вся ржой покрылась лопата, что и неудивительно, когда ею последний раз копали. Никто, поди не помнит...

Ефремушка, устроившись удобно, вешал, что кукушка, усевшись на суку удобно, кукует. Да так складно рассказывает, словно всю жизнь только тем и занимался. Да и по существу, что ему сейчас делать, Прошка управляет лошадьми, одно лишь и остаётся: языком чесать.

Лизавета. Находясь напротив него, ловила каждое слово и только раз вставила слово: – а что? Клад и вправду был-то хоть?

На что Ефремушка невозмутимо ответил, не моргнув глазом: госпожа Лизавета. Мне-то откуда, то может быть известно. Дело-то при царе Горохе было, – да и таким серьёзным тоном, как если бы оправдывался за какую-никакую оплошность. – Вы, госпожа, сами просили рассказывать, а теперича мне допрос устраиваете...

– Полно, Ефремушка. Уже и спросить нельзя...

Поворчав для виду, он продолжил свою сказку, что, то ли где слышал, то ли сам на ходу придумывал. Но занятно рассказывал: только он за ограду вышел, что двор от улицы отделяла прошёл немного, навстречу ему сосед. А скупой был сосед, зимой снега не выпросишь. Ну увидел он мужичонку, что и днём не выходил на улицу, а тут ночью объявился. Червь подозрения тут же закрался ему в душу: неспроста ленивый на улицу вышел, ох, неспроста, и решил расспросить.

Дюже интересно стало ему. Вот он и подступил к мужичку с расспросами: куда да зачем ночью собрался? В это время, мол, все порядочные люди сном праведника спят и только разбойники по ночам шастают. Мужичонка и сам не рад, что покинул свою удобную лежанку, так бы и лежал, да голос проклятый всего извёл.

И как на духу рассказал он соседу про тот голос-то. Сосед едва прослышал о кладе, засвербило во всём теле и снаружи и изнутри. «Как же так получается: я сутками горбачусь, каждую копейку складываю, а кому-то само в руки идёт. Непорядок получается, несправедливо». Решил он хитростью увести клад-то у мужичка.

– Да на что тебе клад? Ребятни нет, жены тоже, что пилит день и ночь. Уступи ты его мне.

– А тебе он зачем? Ты и так на деньгах спишь...

– Да прибыток он никогда лишним не бывает...

Немного поразмыслив: это ж до лесу дойти, после в логу длинном копать неизвестно какой глубины яму, мужичок и вправду лопату всучил соседу: да бери. Я, может статья, токмо затем и вышел, чтобы кому отдать.

Сосед рад-радёшенек: вот так, легко и ловко увёл клад у человека. И ведь ничего-то не попросил взамен. Ему и в голову не пришло спросить: а откуда про то тебе известно? Всё спуталось в сознании, едва прослышал про клад-то. Идёт он в лес до длинного лога, а сам думает: лог-то длинный, где именно зарыт клад? Эх, не додумался выпытать про место-то. Но и назад не вернёшься: плохая примета. «Была, не была. Аль мета какая в том месте имеется», – и только так успел подумать, видит впереди синее свечение. Не иначе клад, решил он про себя. Копнул лопатой раз, другой, обо что-то твёрдое упёрлась лопата. «Сундук», – вот теперь-то я заживу, решил скупец. Нагнулся потрогать, а в яме какая-то дохлая то ли собака, то ли волк, впотьмах и не разберёшь. А подсветить нечем.

И такая досада взяла скупца, что он схватил эту дохлую скотину и потащил до мужичка. Нечего, мол, изгаляться над работными людьми. А на улице уже и рассвело, скупец и думает, скорей бы дойти, иначе увидит кто, насмешек не оберёшься и заметно прибавил шагу.

Поравнялся с домом мужичка, да и с размаху запустил в оконный проём дома. «Будет тебе изгаляться», – ухмыльнулся скупец, продолжив путь. Дохлая же скотина, шлёпнувшись на пол обернулась немалым количеством золотых монет, от блеска которых мужичонка и раскрыл глаза на печи. Но спросонья никак понять-то не может, что здесь происходит. Лишь протёрши глаза, он вспомнил про голос и выдавил из себя: Бог даст и в окно подаст...

– А что, и вправду дохлая тварь обернулась монетами? – спросила Лизавета, уверенная, что сказка наконец дошла до логического завершения и у Ефремушки не будет ни малейшего повода ворчать.

– Кто про то знает доподлинно, одно могу сказать: в каждой сказке есть маковка да истины.

В другой же раз Лизавета ни с того, ни с сего поинтересовалась его сердечными привязанностями. На что Ефремушка, вначале попытался отмолчаться, а после как бы оборачивая всё в шутку, произнёс:

– Да мне, госпожа, уж на тот свет пора. Заждались, поди...

– Ефремушка, тебе туда ещё рановато. – И сама, не ожидая от себя подобной запальчивости, продолжила. – Мы тебя еще женим!

– Госпожа Лизавета, стар я уже жениться, обзаводиться семьёй, – как-то грустно улыбнулся.

– Как это старый? Сколько тебе годков-то будет? Тридцать восемь? И ты говоришь старый? – Лизавета с нежностью взглянула на него, старые обиды давно бесследно растаяли,

а более надёжного и верного слугу, нежели Ефремушка, днём с огнём не сыскать. Да и он, не ожидавший такого отпора на свою шутку, растерянно отвел взгляд.

– Ну будет тебе, Ефремушка. Это всё дорожные разговоры, дабы время занять, – успокоила его Лизавета.

И вот так в словесных перепалках они коротали дорогу от постоялого двора до следующего, скользили легко и лошади бежали резво, а где дороги были не шибко заезжены, так и они тоже шли тяжело, но в день вёрст по сорок-пятьдесят проходили, останавливаясь на ночлег в постоянных дворах.

Глава 5

Невдомёк было Лизавете, что Апраксин, выехавший из посёлка, оказался в заложниках у лихих людей. Будь при нём хоть какое оружие: холодное или огнестрельное, он вполне бы смог отстоять себя, а что сделаешь безоружным против нескольких человек. «Напрасно я не вызвал навстречу Ефремушку», – укорял себя Апраксин со связанными за спиной грубой бечёвкой руками.

Карета, запряженная в тройку лошадей, неслась ровно, когда на их пути оказалось сваленное поперёк дороги дерево, листья пожухли, но заметно, что свалили намеренно. Лошади остановились, как вкопанные перед внезапно возникшей преградой, поелику обойти ни с какой стороны не представлялось возможным. И пока Александр пытался определить причину остановки грянул одиночный выстрел.

Стреляли рядом и в ту минуту, когда, открывая дверку, Александр собрался выйти наружу, краем глаза успел он заметить падающее тело кучера с перекошенным лицом. Нет надобности обладать особыми познаниями, чтобы понять, что он мёртв. Да и к нему самому подступили два крепких мужичка, возникших как из-под земли, у одного он успел заметить фузею, что держал перед собой. Не раздумывая, Александр нанёс крепкий прямой удар в зубы переднему и тот, не ожидавший такого оборота дела, рухнул на траву, схватившись за лицо.

Следующий за ним, размахнулся фузеей, словно дубинкой, но побоявшись задеть своего же, чуть помедлил, Апраксин воспользовавшись представившейся возможностью ухватился за неё, и они вдвоём повалились. Да только и тут, он сумел одержать верх, да нанести несколько добрых ударов, прежде чем ему заломили руки за спину. Он почти вырвал одну руку, но удар в спину чем-то твёрдым, не позволил продолжить дальнейшее сопротивление.

Не сколько боль терзала его, сколько опрометчивость в своём поступке и легковёрность. Ведь видел, что постояльцы что-то затевают, да не обратил внимания на их приготовления и думы. И то, что их не было среди разбойников, ничуть не развеивало мысли об их полноценном участии в этом предприятии.

«На деньги позарились или на выкуп, что желают заполучить за меня? – пришла ещё одна мысль в голову, – ежели выкуп, то они вынуждены будут тем или иным способом доставить сообщение во дворец. Если же их интересуют деньги, я же не настолько глуп, чтобы везти при себе большие суммы и вся их суета и выеденного яйца не стоят.»

Но пока везли его связанного с повязкой на голове, что он ничего вокруг не видел, только и чувствовал, что везут в гору, лошадь тяжело шла, ещё не раз посещали всякие мысли. О скором освобождении он не думал, готовился к худшему, хотя что ещё-то может быть хуже: из острога да в заложники.

Только присутствия духа Апраксин не терял ни на минуту. В первый год ссылки, как было непросто освоиться на месте, но ничего, выдюжил же, не загнулся. А сейчас, когда на улице летняя пора уж тем более. Самое главное, понять: кто такие и чего им надобно, какие цели преследуют?

А там уже вполне возможно, удастся и перетянуть часть разбойников на свою сторону. Что их интересует в первую очередь? Однозначно, деньги. Кто им может предложить больше? Опять же вопрос и ответ ясны, как Божий день. Не в ту же минуту или день, но ведь безо всякого риска быть схваченным и вздёрнутым на виселицу, а вполне законным образом.

Логически рассуждая и выстраивая план, Апраксин и не заметил, как телега, на котором его везли со скрипом остановилась.

– Приехали, слезай, – прикрикнул на него кто-то басовитый.

Слезай. Легко сказать, попробуй-ка сам слезть закрытыми глазами, когда ноги не касаются земли и не имеешь никакого представления, сколько до неё. Упёршись руками на край телеги, он всё же спрыгнул. На его счастье, оказалось не так уж и высоко.

Кто-то из разбойников, схватив за плечо, подтолкнул вперёд: – ну, что застрял?

– Так я же ничего не вижу: ни куда идти, ни в какую сторону, – попробовал отбрызнуть Александр.

– Поговори у меня ещё, – голос звучит молодо, не иначе из ранних.

Он зашагал по направлению, в какую его подтолкнули и вскоре они оказались у какого-то здания, поскольку тот же человек дёрнул, заставив остановиться: – куда разбежался?

– Так сами толкаете: иди, пошёл, тут же остановись, – решил разжалобить супостатов Апраксин.

– Говорят иди, надо идти, скажут: стоять, значит, стой и не шевелись, – нравоучительно проворчал тот же голос. Другой по всей видимости открывал дверь. Наконец его ввели в какое-то помещение с невысоким потолком, Александр макушкой доставал до потолка. Кто-то, взявшись за концы повязки, наконец развязал её и снял.

В помещении с маленьким окошком царил полумрак. Солнечный свет едва пробивался сквозь некую плёнку, коим затаили оконный проём. Прямо перед ним высился стол, грубо сколоченный из не струганных досок, на пне, приспособленном вместо стула, сидел крупный мужик с всклокоченной бородой, рядом с двух сторон парубки, как он и предполагал.

– Ну, барин, куда собрался?

– А не всё ли равно тебе?

– Да мне-то всё одно, а тебе отвечать доведётся.

– А кто ты такой, чтобы перед тобой ответ-то держать?

– Я, говоришь, кто такой? Объясни ему, кто я такой, – предложил он парубку, что был рядом.

Апраксин хоть и не ожидал этого, но удар, нанесённый в район солнечного сплетения, всё-таки выдержал.

– Неплохо, неплохо, – главарь разбойников недовольным остался нанесённым Александру ударом, но и виду не подал. – Денёк другой посидишь в темнице, одумаешься. Закиньте в землянку, что давеча освободился, – приказал главарь своим приближённым.

Закуток куда его спровадили небольших размеров, без единого окошка, и не разберёшь сразу: день на улице или ночь наступила. На пол брошен лапник еловый, только давний: прелостью несёт.

Скинув армяк, что подал ему сопровождавший парнишка, Александр прилёг и призадумался. Сбежать за здорово живёшь от этих нелюдей едва ли удастся, а вот подговорить вполне возможно. Через какое-то время его сморил сон. Снился всякий бред: то он откуда-то бежал, его догоняли, то Зиневич явился во сне, о котором он уже успел давно позабыть и что-то твердил ему, убеждал в чём-то.

Проснулся он оттого, что дверь скрипнула, поддавшись наружу и кто-то пробасил деловито: – выходи, батя зовёт. Со сна Апраксин не сразу и сообразил, что за люди и что им надобно.

Только провернув в голове события вчерашнего дня, он вспомнил всё и, поднявшись на ноги, шагнул к выходу.

На улице светло, но понять утро или вечер невозможно.

– Что застрял, ступай вперёд, – вывел его голос из забытья.

И снова та же избушка с тем же столом, но тот, кого величали «батей», сидел один. Александра ввели в помещение, и главарь коротко бросил: – оставь нас одних. Будет надобность, позову. И скажи там, пусть поесть подадут. Со вчерашнего дня, почитай, голоден.

Когда принесли, главарь пригласил Александра к столу: – на голодный желудок не гоже серьёзные разговоры вести.

Как бы ни был противен главарь разбойников, Александр присоединился к трапезе, но не жадно, как рассчитывал тот, а степенно.

– Ну, как? Подумал? Иль времени маловато было?

– Смотря о чём, – простодушно ответил на его вопросы Апраксин.

– Ты мне не юли. Думаешь, случайно оказался здесь? Шалишь. Случайно ничего не происходит, о твоей деятельности тоже слышаны. Решишься, могу к своим людям причислить опосля проверки. А могу и в расход и пустить, – он зло рассмеялся, довольный своей шуткой.

– Что до случайностей, не буду спорить, случайностей не бывает. А вот в расход пустить, жадность не позволит, уж слишком лакомый я кусок для вас. Где ещё столько вы сможете урвать за раз?

– В чём-то ты прав, убивать тебя мне радости мало.

– А что до разбойных дел, так не моё это, уж извини... – Апраксин уловил ход мыслей лиходея.

– Ты думаешь, я от хорошей жизни стал лиходеем? Иль думаешь, что я таким уродился?

– Да ничего я не думаю, я созерцаю, – Апраксин пытался своими суждениями определить: что он за человек?

Глава 6

Их экипаж, как и было предречено хозяином двора, добрался за два с половиной дня. Ближе к вечеру, когда в небе висел яркий серп молодой луны, в туманном ореоле, Прошка остановил лошадей возле дома купца Бахметьева.

– Госпожа Лизавета, приехали! – крикнул он радостно.

– Прошка бает, приехали, госпожа Лизавета, – повторил Ефремушка, видя, что Лизавета и не шелохнулась.

– Да, я слышала, Ефремушка...

Вечером Лизавета пожаловалась на головную боль и ушла в спальню. Марьюшка ещё вечером заподозрила неладное, когда Лизавета, всегда общительная и открытая сидела с пасмурным лицом. Но решила, что всё сие от утомительной поездки, сама бывало, так уставала, когда возникала необходимость куда-либо съездить, что не то, чтобы говорить, только и думала: скорее бы доехать и прилечь. А уже к утру маменька её просила Вахрушу отправить кого-нибудь да за доктором. У Лизаветы был жар, который не спал и после травяного чая.

Марьюшка выпытывала у Ефремушки, не случилось ли чего по дороге, на что тот отвечал, что ничего такого, что могло бы говорить о недомогании Лизаветы не заметил. Напротив, он сказал, что Лизавета была весела скорой встречей. Что послужило причиной недомогания последней, он и сам не в силах был понять.

Два дня сильно простывшая Лизавета с трудом отвечала на расспросы. Маменька её и горничная попеременно дежурили у ее постели. Как оказалось, у неё случилось воспаление легких, и несколько дней она находилась на краю смерти. Маменька со слезами на глазах уже готова была отправить за батюшкой, когда в состоянии Лизаветы наметились улучшения.

Всех успела до смерти напугать Лизавета своим внезапным недомоганием. Ефремушка, так и вовсе себе места не находил, обвиняя в произошедшем себя, укорял, что надо было переждать хоть пару недель. Вахруша Бахметьев лишь оставался внешне спокоен, только чего стоило ему сие внешнее спокойствие, знал он сам. И всё же, несмотря ни на что Вахруша решил без доктора не обойтись. На третий день он самолично отправился за доктором.

Доктора со своим саквояжем привёз сам Бахметьев. Он собирался разуваться, но Вахруша поторопил его:

– Пройдите так, время не терпит.

Вахруша препроводил доктора самолично к Лизавете, которую то бросало в жар, то наоборот знобило, и никто не знал, чем помочь. Все их усилия, что приложили до прибытия доктора не принесли ожидаемого облегчения её состояния. Лицо Лизаветы горело, а в голосе чётко обозначились хрипы.

– Здравствуйте, молодичка. На что жалуемся? – подбадривая больную поприветствовал доктор Лизавету, лежащую в постели. На краешке постели примостилась молодая горничная девушка.

Лизавета, только недавно задремавшая, не ответила ничего, но доктор тем не менее проверил пульс и коснулся щеки Лизаветы:

– Случай серьёзный и никак нельзя пускать на самотёк. Любое правильное лечение даст шанс на излечение лишь тогда, когда больной обратился при первых признаках, – выдал доктор свой взгляд на лечение, да и просто продемонстрировать свои познания. Доктор был в возрасте тридцати пяти лет, с резкими чертами лица, прямой тонкий нос с едва заметными крыльями ноздрей, что выдавали в нём потомка германских племён, но карие глаза говорили иное.

Тонкие пальцы, казалось, более приспособлены к игре на музыкальных инструментах или держать мягкую кисть у холста, обдумывая следующий мазок на картине. Но вот то, как он ловко управлялся своими приборами и, как они аккуратно, каждый на своём месте, разложены, говорило о его практике. Лишь человек, вынужденный столь часто использовать инструменты, держит их в удобно применяемом порядке, когда нет надобности в поисках того или иного прибора перетряхивать весь портфель.

Болезнь Лизаветы была настолько серьёзна, что она не желала есть, спать и её непрерывно мучил кашель и, явившийся доктор, выслушав Вахрушу, выразил опасность ситуации, нагнав страху на маменьку Лизаветы. Осмотрев больную, он прописал на латыни на бумаге какие-то пилюли, снадобья, должны заставить отступить симптомы болезни и придать организму стимул к выздоровлению.

– Это малая толика из медицинских препаратов, имеющих своим предназначением облегчить течение болезни, – сказал он, вручая бумагу Вахруше.

При этом он заметил, что данные микстуры ещё не всё, что придётся применить в борьбе с болезнью. Как человек всей душой преданный медицине, он не оставался в стороне от открытий, что сделаны в мире в этой области, правда в той мере, в которой сие было доступно человеку того времени, с некоторыми выводами научных светил, как практикующий доктор он был не согласен, только что он мог сделать из провинции.

Болезнь Лизаветы усугубляло ещё и то, что не было вестей от Александра, неизвестна судьба братишки. И нравственная составляющая довлела больше, нежели физическая боль, которую можно утихомирить применением препаратов, а душевную чем облегчить? Эту боль приходится носить в себе и после того, как произойдёт полное физическое выздоровление.

Но доктора, как бы ни были они образованны, они видят лишь ту часть, что доступна им и прописывают снадобья от физических недугов, они готовы удовлетворить человеческой потребности на облегчение, надежды на улучшение и потребности сочувствия, испытываемого больным, в то время, как человек помимо физических болей страдает ещё и от душевных.

Да и вся деятельность докторов состоит в лечении и ответном получении денег за свою работу и только лишь. Они тоже всего лишь такие же люди, получившие соответствующее образование, о чём свидетельствует диплом доктора. И, наверное, поэтому Лизавета иной день не желала принимать очередную микстуру, горькую и противную на вкус, коими потчевали её

с утра и до вечера. Каждый новый день начинался с того, что Вахруша, интересовался течением болезни Лизаветы, и узнав, что она не желает принимать снадобье, выговаривал любимой дочери:

– Лизавета! Доктора надобно слушать, иначе так никогда не выздоровеешь и не станешь на ноги. Нужно принимать предписанное доктором, – сокрушался Вахруша, видя исхудавшее лицо дочери.

Марьюшка, маменька Лизаветы, почти не отходила от постели дочери ни днём, ни ночью, подавая ей пилюли точно вовремя. Она не считала это каким-либо долгом, достойным восхищения, как оно может происходить в аристократической семье, где малое недомогание может служить поводом для сбора консилиума врачей, для многочасовых совещаний между собой, когда они, исчерпав словарный запас или желая продемонстрировать свои познания переходят на немецкий язык, с него на греческий, пока не упрутся в латынь, она просто выполняла свой материнский долг. Также, как выполняет свой долг любая мать на земном шаре, оберегая своё дитя.

Каждое утро доктор заявлялся к ним в одно и то же время, справлялся о здоровье Лизаветы, уже успевшей подумать, что о ней пекутся едва ли не с той же важностью и вниманием, присущим более уходу за императрицей. Она так давно не болела, что вся эта суетливая возня с одной стороны веселила её, с другой тяготила тем, что она не может участвовать вместе со всеми в этой трагикомедии, лишь безучастно взирая на всё с постели.

Но доктор, смерив пульс и общее её состояние, позволял иногда остроты в разговоре с Лизаветой, но только лишь для того, чтобы затем уже в другой комнате за закрытыми дверями выражать тревогу в разговоре с родителями и в который раз выписывал новый рецепт ещё одного чудодейственного средства. Верил ли он в целебную силу этих пилюль или всего лишь исполнял долг? Наверняка верил, как верят африканские колдуны в свою магическую силу.

Но не все пилюли давали Лизавете, а кровопускание Вахруша запретил делать по причине слабости дочери. И его счастье, что доктор был один, будь их несколько, они бы всепременно настояли на своём решении. Да ещё собирали бы консилиумы, где говорили на чуждом языке, что ничего не понять из их речи.

Банки ставили и, возможно, именно в них и заключалось, что здоровье Лизаветы стало улучшаться, а не в микстурах, склянок и флакончиков от которых собралось изрядное количество. Что впору составлять коллекцию.

И каждый раз он выражал надежды на пилюли, что давали Лизавете, говорил о необходимости ждать, что ни одно лекарство не способно сиюминутно проявить свою целительную силу. Силой убеждения он обладал в совершенстве, что Вахруша Бахметьев проникался вниманием к его суждениям, в чём и заключалось то, что он скупил пилюль и микстур на несколько сотен рублей. И из всех этих снадобий едва ли хотя бы половина имела решающее значение в выздоровлении Лизаветы.

И всё же молодость, да и воздух более свежий нежели в Санкт-Петербурге, вершили своё дело. Спустя полмесяца, Лизавета пошла на поправку, болезнь хоть и давала ещё о себе знать, но уже не была такой мучительной и переходила в фазу, называемую прошлым. В этом каждый неизменно пытался выделить себя, кроме маменьки Лизаветы, нёсшей на своих хрупких

плечах все невзгоды. На лице Лизаветы снова проступил румянец и, пролежав около месяца, она встала на ноги.

На улице с каждым днём становилось теплее и уже ближайший лес выступал чёрной громадой на ещё белом фоне, почерневший снег с каждым днём всё больше и больше отступал в овраги и лес, в укромные места, где его не могли достать солнечные лучи. На реке с громким грохотом, схожим с артиллерийской канонадой, раскрывался лёд и, нагромождаясь друг на друга плыли льдины. Иной смельчак, положившись на удачу, выходил на плывущие льдины и перебегая с одной льдины на другую, в отдалении сходил на берег.

По улице с звонким журчанием текли ручьи, и малые детишки пускали щепки с насаженным на спичку парусом из бумаги. День ото дня становилось теплее и теплее, уже на гористой части, на пригретых местах появились первые несмелые ростки зелёной травы, предвестницы лета.

Слабость во всём теле ещё присутствовала, Лизавета ближе к обеду выходила на улицу, когда солнце начинало припекать. Ефремушка с Петрушей оказывали посильную помощь Вахруше по хозяйству с самого приезда, да и по купеческим делам Ефрем немало помогал. Что им оставалось-то делать? Лизавета начала заводить разговоры о поездке, на что маменька тут же отвечала:

– Лизавета, доченька, какая поездка может быть сейчас? Ты ещё слабая, тебе необходимо подкрепиться, а после, когда увижу, что уверенно стоишь на ногах, можно и речи заводить о поездках.

Её поддерживал Вахруша, не желавший отпускать Лизавету в нынешнем состоянии. До южных границ добираться, – о том, что она собирается поехать вызволять братишку, разговор был почти по приезду, – сколько времени понадобится, а ежели ещё в море выходить?

– Нет, Лизавета. Покуда не окрепнешь окончательно, речи даже не может быть о том.

Лизавета разузнала от тятеньки про сложности в дороге, дорогу же она намечала посмотреть по карте, коих у графа Апраксина в кабинете было приличное число. Неужто среди десятков карт не найти карту европейской части российской империи в подробностях?

Спутником она уже определила для себя Ефремушку, как наиболее сообразительного и способного находить общий язык с городскими ли или дорожными грабителями, а нет так и противостоять ему не впервой. Не с пустыми руками выедут, а с ружьишком. И что, что Ефремушка неважный стрелок, ружье в руках уже само по себе привносит страх в душу человека, даже самого бесстрашного в этом сомневаться не приходится.

– Тятенька, скажите мне как ехать, какие могут возникать препоны по дороге, Вы же не раз ездили на ярмарки да за товаром. Вам, как никому другому известны все эти хитрости...

– Лизавета, что могу сказать, всяко бывало в дороге, когда и денег приходится подсунуть, дабы беспрепятственно или без излишней волокиты проехать, а когда и до нужных людей обращаться, разве предугадаешь все? Может быть, лучше дожидаться Александра? У него и шансов и возможностей поболее будет...

– Так от него уже который месяц никаких вестей, что я вся теряюсь в догадках: не случилось ли с ним чего?

– Александр, он не пропадет, у него жизненная хватка есть, дочка, – Вахруша, как умел успокоил дочь и еще в нескольких словах объяснил отдельные тонкости, с которыми возможно могут столкнуться в пути. – Я сам бы поехал, если б не нездоровье, да и лета тож дают о себе знать.

Вахруша Бахметьев за эти годы заметно сдал, седина явно обозначилась на голове, и морщин прибавилось на лице. Только недавно, казалось бы, легко ступа

О том же Вахруша предупредил Ефремушку, которого Лизавета запросто могла подговорить отправиться в дорогу.

– Господин Бахметьев, да разве я могу каким-нибудь образом ослушаться? Благословите на дорогу, тотчас и отправимся.

– Вот это по-мужски, – похлопал Вахруша Ефремушку по плечу своей крупной пятернёй.

И только в конце апреля месяца, они наконец-то, собравшись выехали в обратный путь, чтобы, решив некоторые вопросы в Санкт-Петербурге, отправиться уже дальше. Дороги подсохли и, если они приехали на санях, в обратную дорогу вышли на колёсах. И данный факт был одним из удержавших надолго факторов: искали мастера способного вскорости поставить карету на колёса.

Расходы, понесённые Бахметьевым за переделку экипажа, Ефремушка обещался возместить по приезду в столицу, но Вахруша только отмахнулся:

– Ефремушка, карета-то, для моей же дочери, какие могут быть финансовые обязательства? Даже слышать о том, не желаю...

– В таком разе, премного вам благодарны от всего сердца и души...

– Взаимно, Ефремушка. Ты мне тоже немало помог в бумажной рутине...

Но ещё с неделю они погостили и в одно утро выехали в дорогу. Экипаж сработанный на совесть, шёл легко, не издавая привычных стонов и скрипов, вечных спутников старых экипажей, когда небольшая выбоина перекликается во всех углах кареты...

Глава 7

Лизавета возвращалась от Мейера, когда на безлюдной улице ее карету окружила шайка разбойников. Слышала она про лиходеев, но и все равно выехала одна и вот он результат ее беспечности. Нелюди препятствовали проезду, стащили с облучка Петрушу, едва ли способного хоть как-то оказать сопротивление разбойникам после удара чем-то схожим на дубинку, распахнув дверцу кареты, они потребовали Лизавете выйти.

О том, что она одна, знали заранее или догадывались, поскольку об аресте и высылке Апраксина в Санкт-Петербурге не знал только ленивый. Страх завладевший Лизаветой мешал думать, да и что бы она могла сделать против нескольких опьяненных возможностью наживы разбойников? Да почти ничего.

– Какая краля! Ты посмотри, – протянул гнусавым голосом ближний разбойник, разглядев Лизавету и, найдя её прехорошенькой. – давненько наше общество не украшала дама столь хороших форм.

– Ты камня ищи, деньги, остолоп хренов, – прикрикнул на него другой, зная, что в любую минуту могут появиться стражники или еще кто, способный помешать разбою. В силу возраста он давно потерял интерес к прекрасному полу, но скрывая свою немощь в этом деле, предпочитал переводить тему в иное русло. Как и лисица из древней басни, что, не дотянувшись до гроздей винограда, отмахнулась, сославшись на не дозрелость ягод.

– Так я и о том не забываю, – в ответ огрызнулся товарищ, а глазами так и сверлил Лизавету. Только какая-то неведомая сила сдерживала его от того, чтобы предпринять что-либо по отношению к ней. Не страх перед Богом, о том он едва ли когда задумывался и уж тем более не страх перед людским судом останавливал его от того, чтобы от слов перейти к дальнейшему. Он и сам был в полном неведении, но руки будто онемели у него, когда Лизавета взглянула ему прямо в глаза своими синими глазами.

Может быть вспомнил кого из родных сестёр, возможно зазнобу, которая была у него когда-то. И пока Лизавета стояла ни жива, ни мертва, разбойники перевернули карету верх дном в поисках ценного, как она упрекала себя в эту минуту. Что не додумалась дожидаться возвращения Ефремушки, чтобы взять его с собой, знала же, что Александр, и тот не выезжал без него.

Один из бандитов, орудовавших внутри кареты, отыскав лишь небольшую сумму денег, с ругательствами вынырнул оттуда и, подойдя к Лизавете, рванул за материю и порвал на ней лиф платья, обнажив ей грудь, при этом громко цокнув от восхищения, но воспользоваться ею им, возможно, и удалось бы, если не возникшие из ночной тьмы два всадника, что прискакали на своих аргамаках и один из всадников, не останавливая коня, на полном скаку хлестнул бандита, стоящего рядом с Лизаветой, взывшего от боли.

Она не знала и не могла знать, что у всадника хлыст на конце имел небольшую хитрость, именуемую в простонародье кошкой, разорвавшей на разбойнике безрукавку, и, оставившей неизгладимый след на спине последнего, что и вызвало столь впечатляющий крик боли. Второй всадник успел сбить с ног еще одного, остальные в это время успели скрыться в ближайших дворах.

– Простите великодушно мадемуазель, что не подоспели вовремя, – принес свои извинения улан, статный молодой человек. Вся его внешность демонстрировала смелость и благородство, на юном лице красовались щёгольские усики, непременный атрибут уланов и гусаров. А форма, вся в золотых и серебряных галунах, поблёскивающих и в ночной темноте, плотно облекая их торсы, выдавала крепких ребят. Всё, как того требовал Устав: пуговицы, галуны и шнуры на доломане и ментике были золотыми, золотом же поблёскивала крышка лядунки. Извиняясь, он не сдержался, чтобы не продемонстрировать клинок шпаги, блеснувшей сталью, свисающей на боку.

– Да даже то, что вы подоспели сейчас на помощь одинокой мадам, к вашему сведению, – поправила Лизавета, – уже за одно это вам премного благодарна, – проговорила она, дрожащими пальцами, поправляя рваный лиф на груди, отчего испытывала немалое смущение, укоризненным взглядом посмотрела на второго улана, что стремительно отвел глаза. Даже в темноте можно было различить его лицо, имеющее женственно мягкие черты и, как показалось Лизавете, схожий характер.

– Прекрасная барышня, позвольте вас проводить до дома дабы избежать неприятностей, никто ведь не сможет утвердительно сказать, что эти лиходеи не предпримут следующую попытку напасть на вас, да и нам не придется укорять себя, что оставили вас одну в ночное время, как говорится на съедение волкам.

– О, это так любезно с вашей стороны. Могу я полюбопытствовать, если сие не покажется вам вызывающим, кому я обязана своим спасением?

– Да разве это настолько важно, сударыня? Но поспешу удовлетворить ваше любопытство, улан фельдъегерского полка Андрей Балашов. И позвольте узнать ваше имя, если не обременительно для вас?

– Отнюдь, молодой человек, графиня Апраксина, Лизавета.

– Я весьма польщен знакомством с вами, пусть и при таких не совсем привлекательных обстоятельствах. Значительно лучше бы было, произойди сие событие на балу... Много наслышан о вашем супруге, графе Апраксине, и немало огорчен, что не был представлен ему. Если не затруднительно, передайте пожалуйста низкий поклон...

С этими словами, считая беседу законченной, Лизавета вернулась в карету, где изрядно подпортили обшивку сидений и стенок, и повелела Петруше ехать. Уже здесь, в стенах кареты она усмирила дыхание и прислушивалась к биению своего собственного сердца, только недавно бешено колотившегося в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.